

Память без срока давности

Автор:

Агата Горай

Память без срока давности

Агата Горай

Одна против всех. Психологические триллеры

С детства Лиза Кот была не такой, как все: её болезнь – гиперамнезия – делала девочку уникальной. Лиза отчетливо помнила каждый день своей жизни. Но вскоре эта способность стала проклятьем. Слишком много в голове Лизы ужасных воспоминаний, слишком много боли она пережила, слишком много видела зла. Но даже ее сверхмозг не может дать ответа, как все изменить...

Агата Горай

Память без срока давности

© Горай А., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

В исключительно редких случаях жизнь бывает безоблачной, простой и легкой, но чтобы увидеть и оценить всю ее прелесть, несмотря ни на что, ее стоит прожить от начала до конца.

Посвящается Анне. Ты навсегда в наших сердцах.

«Это было», – сказала Память.

«Этого не могло быть», – сказала Гордость.

И Память сдалась.

Фридрих Вильгельм Ницше

– Этой ужасной минуты я не забуду никогда в жизни.

– Забудешь, если не запишешь.

Льюис Кэрролл. «Алиса в Зазеркалье»

Лиза Кот

Наши дни

Если бы я могла, я бы давно самостоятельно сделала себе лоботомию. Вот так просто – раз, и все содержимое черепной коробки в мусорное ведро.

Что делают с бракованными запчастями? Их заменяют качественными. Как ведет себя костер, в который регулярно подбрасывают хворост? Он никогда не угасает, даже если скупое тлеет. Что произойдет с воздушным шаром, если его перекачать гелием? Он лопнет. По подобным принципам устроен мой мозг: изначально дефектный, но на протяжении двадцати пяти лет получавший свою порцию топлива, в итоге механизм взорвался.

Я была симпатичным ребенком, и взрослой должна была стать красоткой, но не судьба.

«Не судьба» – принцип, по которому строится вся моя жизнь.

С раннего детства я была особенной. И пусть внешне ничем не отличалась от других детей, кое-что внутри меня все же было не так.

Умница Лиза неустанно радовала родителей уникальной способностью помнить все. Я была домашней обезьянкой, по первому требованию выступающей на арене – перед гостями нашего дома. Народ всегда умиляло, когда кроха с парой огромных бантов на голове, обязательно наряженная в розовое платьице, торжественно поставленная в центре комнаты, как по волшебству выкладывала самые невероятные факты из прошлого.

«Подумать только! Лиза, как ты можешь помнить день рождения сестры в таких подробностях? Я-то уж давно забыла, в пеленку какого цвета была завернута Клавдия и как часто я кормила ее в тот день».

«Лиза, не подскажешь, прошлое Рождество было снежным, или я путаю его с позапрошлым?»

«Лиза, а ты случайно не видела, куда два месяца назад бабушка девала свою вставную челюсть? Дай бог, чтоб я снимала ее при тебе, а то ведь мне самой ни в жизнь не вспомнить, где мои парадно-выходные зубы».

«Лиза...», «Лиза...», «Лиза...»... Сосчитать все эти «Лиза» сложно будет даже мне, их слишком много в моей жизни.

В детстве подобные развлечения выглядели забавно. Когда тебе меньше шести и большинство самых горьких воспоминаний – это шлепок маминой руки по твоей заднице или стертые до крови колени, это не так и страшно. Но жизнь, по крайней мере моя, не закончилась в шесть, и уже к этому возрасту в памяти хранились несколько болезненных и неприятных моментов. Воспоминания, которые не имели великой силы в детстве (детский мозг не в состоянии был их осмысливать правильно), хранятся и созревают. Они будто выжидают, чтоб подгнившим плодом упасть с дерева памяти в самый подходящий момент.

Вспоминать себя в образе светловолосого курчавого ангела с незатуманенным мозгом мне иногда приятно. Если задуматься, это были самые счастливые дни.

«Лиза, ты обязательно станешь вторым Рахманиновым или Рузвельтом», – сияя от счастья, любила повторять мама. Папа в этот момент, развалившись в кресле

с бутылкой пива, гордо приподнимал голову и широко улыбался.

Я понятия не имела, кем являются люди, к которым меня приравнивают, но ужасно важничала от того, что мама сравнивает меня с ними, что она так довольна.

Позже я узнала, что хорошей памяти недостаточно для нормальной жизни, потому что в жизни гораздо больше дней, месяцев и лет, о которых хочется забыть навсегда. Собственные прожитые дни, будто давно подошедшие твари, разлагаются и своим трупным ядом уничтожают меня изнутри.

О том, что я не вундеркинд и моя память далеко не феноменальна, что я даже не «человек дождя» из знаменитого фильма, все мы узнали, когда я пошла в школу.

МАМА

27 ноября 1993 года (первый класс, шесть лет)

– Лиза, как ТЫ можешь получать двойки? Я не понимаю.

На маме трикотажный халат цвета кофе с молоком в мелкие розовые цветочки, с рукавами в три четверти. Подол чуть ниже колен, а талию подчеркивает небрежно затянутый пояс. Короткие волосы идеально уложены, как у Гитлера, только другого цвета – орехового, а вот длина и пробор идентичны. Я только что вернулась из школы, и мама, отложив в сторону книгу, которую читала, сидя в одном из двух кресел нашей гостиной, привычно взялась просматривать мои отметки.

Я пожимаю плечами и не знаю, что ответить. «Ты», скользнуло в мои уши не как обычное слово, а как лезвие ножа. Подобная интонация мне была еще не знакома – упрек, укор, обвинение. Чувствую себя виноватой настолько, насколько может себя чувствовать не ребенок, принесший в своей тетради плохую оценку, а человек, случайно нажавший на кнопку запуска ядерной боеголовки. Уничтоживший тем самым небольшое государство.

Я не привыкла слышать из уст мамы в свой адрес ничего, кроме похвалы и восхищения (за исключением тех случаев, когда я реально в чем-то бывала виноватой). Я не знаю, что происходит с моим организмом и почему каждый сантиметр моего тела сейчас пробивает мелкая дрожь. Мое лицо опущено вниз, а все еще по-детски пухленькие пальчики обеих рук хаотично то сплетаются, то расплетаются между собой.

- Лиза, ты ведь такая умная девочка, почему твои тетради пестрят облаками?

Пасмурная тучка в тетради первоклассника – это двойка. Солнышко – пятерка. Тучек было достаточно, а небесное светило встречалось на моих неаккуратных страницах гораздо реже. Одна звездочка – тройка, а две – четверка. Но мои школьные будни скорее напоминали Туманный Альбион, чем звездное небо. Звездами собственного производства пестрели разве только мои тетрадные обложки. Я любила возить шариковой ручкой по бесцветным клеенчатым обложкам, вдохновенно вырисовывая на них звезды, цветы, солнце и просто каракули разных мастей. Но, судя по недовольному маминому лицу, моих звезд ей было недостаточно.

- Не знаю.

Это был честный ответ. Я и в самом деле не знала – почему. Наверное, потому, что хорошая память еще не признак одаренности во всем. На заплетенных в невероятный узел ладошках появляется теплая капля, совсем скоро вторая. Я плачу.

- Милая, что ты! Не нужно плакать.

Мама поднимается с кресла. Забыв сунуть ноги в плюшевые домашние тапочки ядовитого горчичного цвета, которые мне безумно нравится примерять, пока никто не видит, мама присаживается возле меня на корточки и крепко прижимает к груди. Ее правая рука заботливо скользит по моей голове с растрепанными косичками, на концах которых дохлыми белыми хомьями висят банты.

- Я не ругаю тебя, милая. Лиза, нам просто нужно постараться, чтоб твои тетради стали похожими на вселенную с миллионом солнц. Ты ведь любишь солнечные дни? – мама отстраняется и дарит мне улыбку.

- Да, - бормочу сквозь слезы и обвиваю вокруг ее тонкой шеи свои ручки...

Это одно из безвредных, казалось бы, воспоминаний не прошло для меня бесследно. Мне больше никогда не хотелось слышать ТЫ в подобном контексте. Я была ребенком, и словосочетания «ты такая умница» или «ты такая красавица» мне нравились куда больше этого «как ТЫ можешь». Но, к сожалению, жизнь не строится на одних похвалах. Каким бы ангельским ребенком ты ни был, мир, окружающий тебя, кишит демонами.

Учиться лучше после двадцать седьмого ноября тысяча девятьсот девяносто третьего я не стала. В этом плане я ничуть не отличалась от своих сверстников - мое чистописание было «грязнописанием», математика - кибернетикой, а пение... То, что я до мелочей запомнила продемонстрированные нам портреты бородатого Чайковского и лысоватого Шаинского, никак не отразилось на моей способности правильно воспроизводить мелодии. Я не была круглой двоечницей, но и с отличниками не имела ничего общего.

Несмотря на то что я не блистала умом и сообразительностью, люди умудрялись находить что-то уникальное в девочке с диагнозом - гипермнезия. Повышенная способность к запоминанию и воспроизведению информации приводила в восторг многих, но на этом мои таланты заканчивались. Я легко могла вспомнить, что на мне было надето третьего мая тысяча девятьсот девяносто второго года (девяносто третьего или восемьдесят девятого, не суть), какой в этот день была погода и что мама готовила на ужин, но мне с трудом удавалось выучить стихотворение, а тем более таблицу умножения. Моя память работает по собственным правилам, которые я не в силах контролировать. Лучше всего мне запоминаются МОИ внутренние ощущения и чувства, МОИ переживания, прожитые МНОЮ дни.

Каждый СВОЙ прожитый день я помню так, будто это было вчера, и тихо радуюсь, что мой мозг все же не безграничное хранилище еще и чужого хлама.

В детстве обо мне часто писали в газетах, я была второй по значимости достопримечательностью родного городка. Первой являлась расформированная в 1985 году тюрьма строгого режима «Сизый голубь». Название свое она

получила из-за схожего с этой оседлой птицей окраса. Так, по крайней мере, на протяжении долгих лет утверждал экскурсовод, изо дня в день просвещающий по этому поводу десятки туристов: «Именно эти прекрасные птицы придерживаются определенной небольшой территории и не перемещаются за ее пределы. Естественно, «сизый голубь» не единственная птица, которой ни к чему длительные и утомительные миграции, но, как вы можете наблюдать, бетонная стена высотой в пять метров, изолирующая заключенных от внешнего мира, окрашена именно в сизый цвет. Не серый или черный, а темно-серый с синевато-белесым отливом, точь-в-точь как окрас голубиных перьев».

Прогулка по месту не слишком живописному должна была прийти по душе туристам, для чего и требовалось изощряться, экскурсовод справлялся с этой задачей как мог. Неприятный исхудавший старик в «подстреленных» из-за тугих подтяжек брюках, открывающих верх застиранных грязно-белых носков, будто заевшая пластинка, изо дня в день, а иногда несколько раз на дню повторял заученную речь. Казалось, заставить его замолчать может лишь смерть или паралич всего тела, лишь в этом он найдет спасение, освобождение от этой чертовой работы. У старика-экскурсовода на лице было написано, как сильно он ненавидит всех толпящихся зевак, за счет праздного любопытства которых вынужден выживать. «Сизый голубь» – его личный Алькатрас, который покинули все заключенные, кроме него. До отведенного ему конца старик день за днем будет послушно отбывать в нем свое наказание. Это лучшее, на что он мог рассчитывать после двадцати пяти лет отсидки. Кому нужен сотрудник зэк?

Мне едва исполнилось десять, когда я впервые посетила тюремный двор. Случилось это пятого июня девяносто седьмого года. Погода была солнечная, воздух пропитан ароматом жасмина. Большинство моих ровесников пропадали на берегу озера, а я не придумала ничего лучше, чем развлечь себя с помощью «Сизого голубя». С моего дня рождения еще не прошло и недели. Подаренные бабушками деньги потратить я не успела, так что за входной билет могла спокойно заплатить из своего бюджета. Втайне от родителей (мама запрещала мне приближаться к этому «грязному» месту, хотя я не единожды сообщала, что безумно хочу познакомиться со второй достопримечательностью нашего городка), я уверенно шагнула за огромные сизые ворота. Я попала в запретный мир, отчего чувствовала себя бунтаркой. Мне было интересно все. Я с любопытством заглядывала в пустующие камеры, охотно сравнивала столовую заключенных со школьной, активно представляла, чем во время прогулок во дворе занимались осужденные. Но на обратном пути я никак не могла избавиться от навязчивой мысли: будто посетила лекцию по орнитологии, а не прикоснулась к чему-то чертовски «грязному». А еще мне было ужасно жаль

злобного старика, который не жил, а отбывал наказание.

* * *

Сейчас, когда я занимаю койку в реанимации ожогового отделения, у меня не осталось ничего, кроме заевшей пластинки собственных воспоминаний. Я потеряла семьдесят пять процентов кожи и шикарную шевелюру. Моим повязкам позавидовала бы любая мумия. В последний раз мои глаза были открыты тридцать первого мая, и будет ли у меня еще когда-либо возможность и способность их открыть, я не знаю, но у меня по-прежнему есть ОНИ – воспоминания. Память не сжечь, не утопить, не убить, пока функционирует мозг, а с моим «счастьем» его не просто вырубить.

К привычной душевной боли теперь присоединилась ее подружка – боль физическая. Обезболивающие не спасают. Дьявольски острые булавки прокалывают каждый миллиметр обугленного куска мяса, в который я превратилась. Но эта боль ничто по сравнению с той, которую я несла в себе практически всю жизнь и которой подавилось даже сильнейшее пламя.

Люди и не догадываются, как много они способны забыть и на самом деле забывают. Выражение «Я незлопамятный, но память у меня хорошая» всегда вызывало у меня ироничную улыбку. Знали бы вы, товарищи, что значит «хорошая память», но вам повезло больше, чем мне. А бабушка, папина мама, твердила: «Этот проклятый склероз!» Все бы отдала за подобное проклятие.

Никто не догадывается, какое это счастье – способность забывать. Это не ценят, как не ценят способность дышать и не задумываться над каждым вздохом, от которых зависит жизнь. Способность терять кусочки воспоминаний такой же незаметный процесс, но тоже жизненно необходимый.

«Время лечит» – миф. «Лечат» новые воспоминания, которыми ежедневно наполняется ваш мозг и успешно «архивирует» все то, что давно прожито. Прикоснетесь вы к минувшей и давно пережитой боли или нет, зависит только от вашего желания заглянуть в «архивы» мозга, а так боль безобидно лежит на хранении долгие годы. Как затонувшие в прошлых веках корабли – они точно где-то есть, но только единицы из нас опускаются на дно океана в их поисках. А

в моей голове, скорее всего, сломан этот «архиватор», и у любого прожитого мною дня нет срока давности, все они свежи. Мои «корабли» идеальны, они не умеют тонуть, и в какой-то момент места в океане извилин стало катастрофически не хватать. Произошло абсолютно предсказуемое столкновение и взрыв. Без жертв, к сожалению, не обошлось.

ЗОЯ

23 апреля 1994 года (первый класс, шесть лет)

На мне джинсовый сарафан малинового цвета с белым, неправильной формы, пятном на правом накладном кармане. Пятно и карман практически одного размера. А под карманом еще два крошечных пятнышка, каждое не больше горошины. Их присутствие нисколько не унимает прелести наряда в целом. И для меня, взрослой, эти пятнышки имели бы большое значение, служа проводниками в тот самый день, когда появились на сарафане. Так было бы, если бы я нуждалась в подобных проводниках и спустя много лет, перебирая хлам на чердаке родительского дома, наткнулась на эту милую детскую одежду. Но это не обо мне.

Двадцать пятого августа девяносто третьего года, когда мама порадовала меня прелестной обновкой, я радостно натянула сарафан и понеслась через зеленую лужайку к соседскому дому. Но споткнулась о торчащий из земли неизвестного происхождения небольшой пенек, стремительно полетев лицом в траву. Мне безумно хотелось похвастать перед лучшей подружкой Зоей своей обновкой и доказать, что ее, обычного синего цвета, джинсовое платье намного хуже, но...

Не проронив ни слезинки, хотя обе коленки были содраны до крови и ужасно горели, я встала и обнаружила, что моя малиновая гордость беспощадно испорчена зелеными травяными разводами. Я не растерялась и помчалась домой с еще большей скоростью.

В ванной я без проблем отыскала отбеливатель и щедро плеснула им на правый карман, который пострадал больше всего. Я часто видела, как ловко с помощью этой волшебной жидкости мама превращала ужасно грязные вещи в белоснежные. Поэтому мой поступок был совершенно осознанным. Папины

темно-серые майки, например, вдруг оказывались белыми. Ясное дело, сарафан, изначально не белоснежный, привести в порядок будет еще проще.

Разочарование оказалось безграничным: на моих глазах в считанные секунды отбеливатель начал пожирать не только грязь, но и сочный ягодный цвет. Испугавшись, я сорвала с себя сарафан и бросила его в ведро, удачно стоявшее в ванне, а затем открыла кран с холодной водой и наполнила ведро до предела. С дрожащим сердцем и трясущимися руками я изо всех своих детских сил старалась исправить то, что натворила, но стирка и длительное полоскание не спасли мой наряд.

Безутешно рыдающей над изувеченным сарафаном меня и обнаружила мама. В белой футболке и розовых трусиках я сидела на ледяном полу в ванной и, сжимая в руках мокрую ткань, горько плакала.

Тот день был одним из самых страшных в моей короткой жизни (к сожалению, не первый и, к еще большему сожалению, далеко не последний). Я была уверена – мама меня убьет, а если нет, точно больше не купит ничего красивого. А Зоя теперь ни за что не поверит, что у меня был сарафан в сто раз лучше, чем у нее. Случившееся было соизмеримо концу света, не меньше. Но к моему удивлению, мама не стала меня убивать, а, наоборот, успокоила: «Сарафан испорчен, но не безнадежно. Я приведу его в порядок, и ты еще долго сможешь носить его. Ну, по крайней мере, пока он будет тебе впору. А то, что случилось, послужит тебе уроком. Всякий раз как твои глаза коснутся этих пятен, вспоминай о том, что стоит смотреть под ноги – раз, и два – в жизни ты еще не раз упадешь, но я всегда помогу тебе подняться. Иногда это непросто сделать самостоятельно, а рыдать в одиночку – не вариант».

Тогда я даже не догадывалась, как много «концов света» ждет меня впереди, как часто придется падать и как невыносимо, а не «непросто» бывает подниматься. Мама оказалась права во всем, кроме одного – для того чтобы помнить эти ее слова, тепло рук убирающих с моего лица слезы, разъедающий слизистую носа запах хлора, мне не нужен был этот несчастный сарафан.

Возвращаюсь в двадцать третье апреля девяносто четвертого.

В своем любимом малиновом сарафане, белой футболке и трусиках обязательного розового цвета я сижу посреди комнаты Зои и внимательно рассматриваю с ней старые фото. Жесткий ковер жуткого зеленого цвета через тонкую ткань «кусает» за зад, но это не мешает нам с моей лучшей подругой распластаться на полу, прижимаясь животами и локтями к колючему ворсу.

- Помнишь, как нам было весело?

В руках у Зои фотография, на которой две малышки – Мы – смущенно позируют на камеру с букетами ландышей, которые самостоятельно нарвали в лесу, пока родители отдыхали от нашего присутствия на чудесной поляне меж сосен. Когда папа Зои снимал этот кадр, он еще не догадывался, что спустя несколько минут идиллия этого дня будет жестоко нарушена криками и стонами его дочурки.

- Весело? – удивленно переспрашиваю я и пялюсь на свою узкоглазую подругу, родителей которой зовут Лан и Хонг. По венам Зои течет кровь корейского народа, ее мама и папа много лет назад бежали из Северной Кореи, но это нисколько не мешает нашей дружбе.

- Ну да. Только не говори, что Ты забыла? – тоненькие губки Зои растягиваются в злорадной улыбке. Меня в ту же секунду накрывает огромной волной обиды. Как моя лучшая подруга может усомниться в моих способностях?!

- Ничего я не забыла! – выкрикиваю, поднимаюсь с пола, скрещиваю на груди руки и, затаив обиду, жду продолжения.

- Да я пошутила, ты чего! – Зоя задорно хихикает и стучит ладошкой по тому месту, где минуту назад лежало мое худосочное тельце. – Возвращайся, и я расскажу тебе, что помню я.

Зоя – моя ровесница, но даже если бы мне в ту минуту приказал опуститься рядом с ней на ковер кто-то из взрослых, я бы и тогда этого не сделала... Я все еще обижена.

- Не хочу. Я и так прекрасно тебя услышу.

– Ну, как знаешь. – Зоя равнодушно пожимает плечами и возвращается к фотографии. – Мы так радовались, когда случайно обнаружили огромную поляну цветов. Помнишь, мы упали в них и, лежа на спинах, несколько минут вдыхали этот вкусный запах. С того самого дня ландыши стали нашими любимыми цветами. – Зоя дарит мне счастливую улыбку и весело продолжает: – Родители не сразу заметили, что мы пропали, а когда стали нас звать, мы торопливо нарвали для них по букету, чтоб не сильно ругались. Когда мы возвращались на поляну, видели целых три белки! А еще мы успели насобирать грибов, но прежде чем нас сфотографировал мой папа, твой велел выбросить поганки.

Зоя весело хохотала, а мое маленькое тельце изнутри распирало непонятное чувство обиды. В голове противно шумело, жужжало и просилось наружу МОЕ воспоминание об этом «замечательном» дне.

– А еще сразу после этого кадра тебе захотелось в туалет. Ты спряталась в кустах и уселась задницей на муравейник, а потом орала так, как бабушкина свинья Машка, которую закололи в прошлом году. А когда твоя мамочка стала тебя утешать, усадив к себе на руки, прижимать к груди и гладить по голове, то нащупала на твоём плече клеща. Маленькая букашка впивалась в твою кожу и высасывала кровь. Но я не думаю, что было так уж больно, как ты завопила. Это была крохотная букашка, а не вампир! Слезы катились по твоим щекам градом, твое лицо покраснело и распухло, от чего глаз вообще не было видно. А еще у тебя начали течь сопли, которые, всхлипывая, ты съедала. А еще...

– Хватит! – отбросив фотографию в сторону, Зоя вскакивает с пола.

Подруга стоит напротив, а в ее глазах слезы. Подбородок подрагивает, и я знаю, что совсем скоро из ее глаз потекут слезы, как в тот самый «веселый» день шестнадцатого мая прошлого года, но я не испытываю ни вины, ни стыда. Это МОИ воспоминания, и я не виновата, что они намного реальнее и точнее Зоиных. И именно они указывают на то, что тот день не был таким уж веселым и прекрасным.

– Зачем ты так? Что я плохого тебе сделала? – голос подруги дрожит.

– Ничего, – шепчу я в ответ и многозначительно добавляю: – А что плохого сделала я? Ты совсем скоро расплачешься, а я только поделилась СВОИМИ воспоминаниями о том дне. По-моему, ты смеялась над тем, что я могла забыть о

нем. А я помню намного точнее, и это ты кое о чем позабыла, иначе не пялилась бы на эту дурацкую фотку со счастливой улыбкой.

Принято считать, что все дети добрые, милые и им не свойственна подлость, но это не так. Вырастая, мы просто забываем о том, насколько жестокими могли быть и как легко нас мог ранить любой пустяк, отвечая на который мы зачастую бывали бессердечны.

– Убирайся из моей комнаты! Пошла вон! Я больше никогда не хочу тебя видеть и дружить с тобой не буду! – растирая по лицу слезы, завопила Зоя.

Я послушно исчезла тогда из комнаты Зои, совершенно уверенная в том, что навсегда потеряла лучшую подругу, от чего было немного грустно. Но овсяное печенье с молоком, предложенное мне хлопотавшей на кухне мамой, успешно переключило мое внимание с законченной дружбы на себя.

К счастью подавляющего большинства людей – их память недолговечна. Понадобилось чуть больше недели, чтобы наша дружба с Зоей возобновилась.

Родители подарили Зое велосипед, и она пришла с ним ко мне, предложив учиться такому непростому делу, как езда на нем, вместе. Я охотно согласилась, хоть и не понимала, как Зоя может простить, а тем более забыть мой поступок, в то время как я продолжала видеть ее зареванное лицо и отчетливо слышать: «Я больше никогда не хочу тебя видеть и дружить с тобой не буду!» – будто это случилось только что. Но ей это удалось.

Вот так просто, спустя всего девять дней, мозг Зои легко превратил острые шипы обиды и ненависти в одуванчики, которые рассыпаются, стоит только хорошенько на них подуть. Она даже не заикнулась о нашей ссоре, будто и не было ничего. Я же просто подыграла ей в стремлении возродить то хорошее, что было между нами. Мне было весело с подругой, я любила ее, как умела. Но мое притворство не спасло нашу дружбу, и дело тут уже не в Зое. Притворяться вечно – выше моих сил, а стирать из памяти что-либо, сглаживать или приукрашивать – я не умею.

2 июня 1994 года (первый класс закончен, семь лет)

Второе июня девяносто четвертого выдалось дождливым. Если быть точной, это был третий дождливый день подряд, но не последний. Лужи и свинцовые облака не исчезали еще неделю, превратив начало лета в середину осени.

Совершенно естественным выглядело желание ребенка немного разукрасить серость дождливых будней любимыми веселыми красками. Я уверенно и безжалостно избавилась от тусклого синего спортивного костюма и влезла в свой любимый сарафан. К счастью, мамы не было дома, а то бы она быстро заставила меня переодеться. Мама с малышкой Клавдией ранним утром отправилась в детскую поликлинику.

Младшая сестра не давала родителям спать почти всю ночь. Они терялись в догадках, что творится с их годовалым ребенком, который намеревается лопнуть от крика. Получив благодаря мне бесценный опыт воспитания, в случае с Клавдией мама даже не пыталась разобраться с проблемой самостоятельно, не терпела этот ужасный душераздирающий крик, не боролась с проблемой народными методами, доводя себя тем самым до психоза, а тут же мчалась в больницу. Она часто носилась с грудной Клавой в поликлинику. Я ни разу не видела, чтобы родители применяли к младшей сестре тот же способ успокоения, что и ко мне. Что радовало и обижало одновременно.

В годовалом возрасте я, как, наверное, и любой другой ребенок, часто доставала родителей своими воплями. Когда подобное случалось, мама тут же подхватывала меня на руки и, глядя мне в лицо, начинала что-то говорить. Я не понимала ни единого звука, который извергал рот мамы, но прекрасно помню ее сначала искаженное непониманием, а потом злобой, покрасневшее и припухшее от слез и бессонницы лицо.

Прижимая к груди (я и сейчас, из тысяч других ароматов, с легкостью узнаю аромат маминого грудного молока, если, конечно, подобное умение понадобится), мама долго укачивала меня, пытаясь заткнуть мой рот собственным соском, но молоко меня мало интересовало. Причиной моих страданий на самом деле был издающий душераздирающие звуки орган, именуемый ртом. В моей маленькой пасти ужасно болело ВСЕ, хотя собирался показаться наружу один-единственный и всего лишь пятый по счету зуб. Мне

было год и два месяца, маме девятнадцать, папе двадцать два, и эти двое понятия не имели, что делать с орущей во всю глотку их маленькой «радостью». Это был первый раз, когда они оба сдались и, оставив меня в колыбели, плотно закрыв за собой дверь, исчезли. Не знаю, куда удалились мои родители, но знаю, что я кричала, визжала и захлебывалась собственной слюной еще долго, пока не села батарейка. Воспаленные десны не перестали болеть, просто маленький организм выбился из сил и под собственные всхлипывания обрел покой во сне.

На следующий день мама делала все возможное, чтобы загладить свою вину, была любящей и заботливой как никогда: по первому требованию меняла подгузник, предлагала грудь чаще обычного и без устали таскала на руках. Как бы мне хотелось, чтобы третье августа тысяча девятьсот восемьдесят восьмого было единственным днем, когда мне пришлось одиноко засыпать в колыбели под собственные всхлипывания, а таких, как четвертое августа, наполненных любовью и заботой, было как можно больше. Но нет, чуда не произошло. Зубы не прекратили расти, а мой крохотный живот слишком часто болел, словно что-то резало его изнутри. Нормальный человек не вспоминает о подобном, и, наверное, мама только по этой причине так со мной поступала. Знай она тогда, что ее дитя может «припомнить» ей все это, вряд ли у нее хватило бы смелости так поступать. Радует одно – подобный метод воспитания не стал нормой. Мама никогда не бросала меня, не испробовав перед этим все доступные ей методы унять мой плач. Только находясь в крайней степени отчаяния, со словами «Что тебе от меня нужно?» (это я расшифровала гораздо позже), мама оставляла меня в кроватке и, громко хлопнув дверью, выбегала из моей комнаты.

Это случалось шесть раз, после каждого из которых первое, что я видела, раскрыв глаза, – мамино виноватое, зареванное лицо. А первое, что слышала: «Доченька, девочка моя, милая, прости, прости, прости, прости...» (тогда я не понимала ее слов, а просто видела, что губы родного человека изгибаются неестественно часто). Потом, как обычно, мама окутывала меня заботой, буквально облизывая с ног до головы, и спустя какое-то время покой в ее душе восстанавливался.

С Клавдией все по-другому – маме уже двадцать шесть, папе двадцать восемь, у них есть я, подарившая им бесценный опыт воспитания. Маленькой Клаве повезло: благодаря мне она никогда не узнает, как это – быть брошенной собственной матерью и, сходя с ума от нечеловеческой боли, беспомощно орать в собственной колыбели несколько часов подряд.

В раннем детстве о воспоминаниях подобного рода я умалчивала. Были моменты, когда мне едва удавалось совладать с детской обидой: то мне казалось, будто мама незаслуженно отшлепала меня, то заставила прибраться в комнате, когда у меня были совершенно другие планы, то любила Клаву больше, чем меня. В такие моменты сильно хотелось выложить все, бросить в лицо маме, обидеть в ответ, но я сдерживалась, будто чувствуя – еще не время.

Для моих близких память заработала у меня во всю мощь в трехлетнем возрасте. По домашней легенде, после того, как я на похоронах прабабушки случайно свалилась в яму, прямо на крышку гроба. После подобного все, казалось, напрочь позабыли о прабабке и стали носиться со мной, будто я центр вселенной. А я никак не могла понять, с чего это вдруг? Я трижды падала с качелей, дважды с крыши невысокого сарая и дважды с дерева. Но тогда и близко ничего подобного не происходило, а в яму – не так уж и высоко. Атмосфера похорон и мертвая прабабушка меня ничуть не пугали, и я никак не могла сообразить, почему так реагируют взрослые. Хотя всеобщее внимание мне определенно понравилось. Понравилось настолько, что я даже не наябедничала на троюродного брата пятилетнего Сережу, а именно он со злобной улыбкой во все круглое, веснушчатое лицо толкнул меня в яму.

Третьего июля девяностого года вместе с прабабушкой, земля ей пухом, был погребен под землей и ничем не примечательный ребенок. С перекошенными от испуга лицами из могилы взрослые вытащили уникальную девочку, достопримечательность и гордость. Но то, что было «до» этого дня, я продолжала хранить в секрете.

Родители охотно поверили, что у маленькой Лизы случился большой шок и именно по этой причине ее мозг заработал по-другому. Я же не стала разубеждать их и что-либо доказывать, делюсь фактами из своего короткого прошлого. Я не рассказала, что сотни раз видела, как папа трахает (правда, тогда я еще не знала, как назвать то, что я видела) маму; как мама берет в рот то, что в густых зарослях волос растет у папы между ног, но не ест это, тогда в чем смысл? Как и не упомянула о том, сколько раз рыдала покинутая в колыбели. Я позволила родителям спать спокойно. Скорее всего, они бы и не вспомнили о том, как «умело» справлялись со своим плачущим первенцем и как часто занимались сексом на моих глазах, обманчиво полагая, что я ничего не запомню.

Девяносто восемь раз я видела своих родителей стонущих и извивающихся друг на друге и друг под другом – девяносто восемь раз за первых три года жизни. Но тогда им это знать было ни к чему.

И снова возвращаюсь ко второму июня девяносто четвертого.

Пока мама возилась с малышкой Клавой, а папа пропадал на работе, я была предоставлена самой себе и решила провести день с пользой. Собрав в охапку все свои цветные карандаши, раскраски и огромного, почти полметрового, желтого плюшевого слона Федю, я отправилась в гости к лучшей подруге Зое. Мелкий дождь не помеха для настоящей дружбы, а соседский дом на то и соседский, что до него можно добежать без зонта.

К счастью, входная дверь Зоино дома распахнулась раньше, чем мне пришлось оставлять на крыльце свои игрушки и карабкаться на волшебный голубой табурет, предусмотрительно оставленный взрослыми, чтобы подружки их чада могли дотянуться до звонка.

Прямо на пороге дома я встретила с миниатюрной тетей Лан. Даже я, семилетняя, относилась к ней как к большой кукле, а не как к взрослой тете, настолько мама Зои была компактной. На ней черная водолазка и черные гамаша, черные волосы заплетены в две косы и спадают с выразительной груди чуть ли не до самых бедер. По каким-то скрытым от посторонних людей причинам гардероб тети Лан состоял из вещей только черного цвета. Летом симпатичная кореянка всегда носила черные майки, черные шорты, черные платья, а в другие времена года к ее гардеробу присоединялись черные куртки, черные плащи и даже черные дождевики. Наверное, это помешательство возникло у нее неспроста, но это прячут ЕЕ воспоминания.

– О-о-о, Лиза, здравствуй, – удивленно, но не без улыбки, поздоровалась тетя Лена (близкие, в круг которых входила и моя семья, называли ее именно так, более привычно).

– Здравствуйте, тетя Лена. Зоя дома?

Я улыбаюсь в ответ, без стеснения демонстрируя все прелести беззубой улыбки. Этим утром, лакомясь чесночными гренками, я потеряла второй в моей жизни

молочный зуб. Первый выпал еще в марте и уже наполовину вырос, что превратило меня в бобра-неудачника, гордость которого стала комплексом. Странно, но выпадали молочные зубы намного безболезненнее, чем прорастали.

- Где же ей еще быть в такую-то погоду? - тетя Лена присела на корточки, заботливой рукой поправила мне растрепанный мокрый хвост и убрала с лица дождевые капли. - А вот что здесь делаешь ты? Сомневаюсь, что твоя мама тебя отпустила.

Я виновато опускаю глаза, но только на секунду. Что плохого в том, что я не хочу скучать одна дома?

- Мама с Клавдией в больнице, а мне скучно, - честно признаюсь.

На лице тети Лены тут же появляется озабоченность.

- Что-то случилось? Что с твоей сестричкой?

- Ничего особенного, просто этой ночью она кричала больше обычного, - со знанием дела заявляю я и старательно вытираю все еще влажное лицо Федей.

- Ясно. Никуда от этого не деться. Все малыши капризничают, как бы мы их ни развлекали и ни носились с ними, - понимающе проговорила тетя Лена и снова улыбнулась. - В таком случае проходи. Зоя у себя и, по-моему, как раз сейчас собирается смотреть «Лис и Пес». Тебе нравится этот мульт-фильм?

- Да!

- Тогда поспеши. Может, успеешь к началу. А я в магазин. Вернусь и испеку вам вкусных кексов. Ты ведь любишь кексы?

- Да, - и в подтверждение собственного ответа я киваю.

Тетя Лена проводит ладошкой по моим влажным волосам, уступает мне дорогу в дом, а сама исчезает за дверью.

Довольная, я семеню прямиком в комнату Зои и застаю подругу не за просмотром мультфильма, а скрутившуюся калачиком на кровати. Зоя лежит, глядя в окно, и совсем не похоже, что она собиралась что-либо смотреть.

– Привет! – звонко здороваюсь я, вываливаю все свое добро на ковер и облегченно выдыхаю. Таскать с собой Федю, который почти с меня ростом, не так-то просто.

Зоя неохотно поворачивает голову в мою сторону и как-то странно шепчет в ответ:

– Это ты?

– Я. На улице дождь, а дома скучно. Решила, что вдвоем будет веселее. Твоя мама сказала, что ты смотришь мультик, но вижу, что тебе тоже скучно. Давай лучше вместе раскрашивать?

Сажусь на пол рядом со своим Федей и жду, что Зоя, как обычно, охотно поддержит меня, но этого не происходит.

– Я не хочу ничего раскрашивать. И вообще, веселиться с тобой не хочу.

Не сдвинувшись с места, Зоя снова уставилась в окно. Ее голос не такой веселый и дружелюбный, как обычно, но я охотно этого не замечаю.

– Это почему? – Я медленно поднимаюсь с пола и растерянно смотрю на подругу. – У меня, между прочим, самые свежие раскраски, и я специально берегла их для нас двоих...

– Мне не нужны твои раскраски, и ты мне не нужна! – Зоя вскакивает с кровати, и только теперь я замечаю, в какую страшила ее превратила непонятная мне ненависть и ярость. – Отстань от меня и не приходи больше никогда! Не хочу дружить с такой умницей и красавицей!

Последние слова еще больше путают мой детский мозг, в котором я не нахожу ни единого свежего воспоминания, где обижала бы Зою. После той истории с фотографией мы больше не ссорились, но выступающие на пухлых щеках

подруги багровые пятна говорят мне об обратном.

– Зоя, что я такого сделала?

– Вот именно что ничего особенного, только помнишь больше других, и все! А я должна страдать из-за этого! Уходи!

Подруга бросает в меня подушку, но я, растерянно хлопая ресницами, продолжаю стоять на месте. Слова Зои обижают меня, а терпеть незаслуженную обиду не в моих правилах. Мне безумно хочется во всем разобраться. Ведь Зоя, возможно уже завтра, и не вспомнит об этой ссоре, а я день за днем буду сходить с ума, вспоминая эти минуты.

– Но об этом ты давно знаешь и все равно дружила. Что же сейчас не так?

– А то, что я еще зимой примеряла мамины жемчужные бусы, доставшиеся ей от прабабушки, и теперь не могу вспомнить, куда их подевала. Сегодня они ей зачем-то очень понадобились, а их нет. Мама обыскала весь дом, но бусы не нашла. Она сказала, что, если бы ее дочкой была ты, такого бы никогда не случилось! Сказала, что ты не такая растяпа, как я. Я тебя ненавижу!

В моих глазах мгновенно застывают слезы.

– Но я ведь не виновата, что...

– Замолчи! – Зоя быстро хватает что-то со своего письменного стола, стоявшего у приоткрытого окна. – Вот тебе!

Первые секунды мной овладевает шок. Пока я молча наблюдаю, как по моему розовому сарафану расползаются черные чернильные пятна, Зоя собирает в охапку все мои вещи и с остервенением швыряет за окно.

– Убирайся!

В долгу я не остаюсь, хватаю со стола баночку зеленых чернил (этого добра в доме Хонгов всегда хватало – отец Зои школьный учитель рисования) и выплескиваю Зое прямо в лицо. Подруга начинает визжать, размазывая по лицу

и волосам ядовитую зелень, я же, проглатывая слезы, бегу на улицу спасать своего Федю, карандаши и раскраски.

Из всего перечисленного мне удастся отыскать только Федю и четыре карандаша – черный, зеленый, синий и фиолетовый. Бумажные страницы раскрасок от заметно усилившегося дождя спасти не получается.

В этот раз я не бегу в ванную за отбеливателем, а мчусь напрямик в свою комнату. Бросаю карандаши на стол и, крепко сжав в объятиях любимого слона, падаю лицом в подушку. Рыдаю до возвращения мамы и даже дольше. В те горькие минуты я пыталась понять и принять две вещи: мой любимый сарафан в этот раз не спасти, и у меня больше никогда не будет лучшей подруги.

– Милая, Зоя не со зла, – глядя меня, лежавшую лицом в подушке, по волосам, шепчет мама. – Все люди ссорятся, а если дороги друг другу – мирятся. Так устроен мир. Так устроены мы. Нужно уметь прощать обиды, ведь не всегда обижают тебя, иногда, не со зла, ты тоже можешь обидеть. Не расстраивайся, все у вас наладится, вот увидишь.

Глотая обиду, я отмалчиваюсь, но в голове по кругу звучит одно и то же: «Как это «не со зла»? Если один человек говорит гадости другому, это еще как «со зла». Никто никого не обижает, если не злится».

Уже через три дня на пороге нашего дома появилась Зоя. Сжимая в руках аппетитный кекс, она глупо улыбается, виновато прячет глаза и просит у меня прощения, предлагая забыть обо всем и возобновить нашу дружбу.

Кекс я не беру. Простить не обещаю. А забыть просто выше моих сил.

Сухо подсказываю Зое, где искать злосчастные жемчужные бусы: двадцать седьмого января мы вместе примеряли их на кукол, и они так и остались висеть на шее Моника, с которой мы с того дня ни разу не играли, и многозначительно добавляю:

– Если в дружбе так много слез и обид, она мне не нужна. И ты мне больше не нужна. Я больше ни с кем не хочу дружить.

Этими словами заканчивается моя дружба с первой и единственной в жизни подругой. Перед носом Зои я уверенно захопываю дверь в свою комнату.

Помнит ли обо всем случившемся второго июня девяносто четвертого года Зоя сейчас, сильно сомневаюсь. Скорее всего, ее мозг сохранил в памяти только то, что когда-то в детстве мы были подругами и что мы разругались. Зоя вряд ли сохранила в памяти тот день и то, с какой ненавистью обливала меня черной краской и как жестоко обошлась с моими вещами. Мне же «повезло» больше, я до сих пор чувствую эту боль незаслуженной обиды, резкий и противный запах чернил, перед глазами стоит испорченный сарафан, и помню, как в горьких рыданиях на протяжении нескольких часов вздрагивало мое детское тело. Вкус ТЭХ солоновато-горьких слез мне, увы, никогда не забыть.

Лиза Кот

Наши дни

– Лиза, если вы меня слышите, сожмите руку в кулак.

Рядом со мной звучит голос, но я могу только догадываться о том, кому он принадлежит. Голос женский. Судя по мелодичности и искренней заботе, я представляю его обладательницу невысокой, миловидной блондинкой лет сорока – сорока пяти. Скорее всего, это дежурная медсестра, в обязанности которой входит «развлекать» таких безнадежных «счастливчиков», как я, и за заботу и мелодичность ей неплохо платят.

Как меня просил голос, сжимаю руку в кулак, хотя из-за тугих повязок это не так просто. Движение ладони скорее нервный тик, нежели согнутые пальцы, но это все, на что я способна.

– Хорошо, Лиза. Очень хорошо. – Голос звучит слишком восторженно. Как будто я не рукой пошевелила, а встала и пошла. – Теперь давайте с вами договоримся: сжатая ладонь – это ваше «ДА», а разжатая – «НЕТ».

Мысленно шепчу «хорошо» и в подтверждение сжимаю руку.

– Ваша мама третий день ждет, когда вы придете в себя. Хотите ее... – голос обрывается, и для того чтобы понять, что медсестра ищет подходящее слово, глаза не нужны. – Желаете пообщаться? Правда, недолго. Не больше пары минут, для ее успокоения.

Я не разговаривала с мамой почти семь лет (двадцать восьмое мая этого года не в счет), и тот факт, что она третий день торчит в больнице, ничего не меняет. К тому же я могу только догадываться, сколько времени нахожусь здесь я сама. Месяц? Неделю? Год? Моя рука остается неподвижной.

– Хорошо, Лиза. Я скажу ей, что вы отдыхаете и еще недостаточно окрепли даже для самой коротенькой встречи. Думаю, она поймет. Отдыхайте.

Приятный голос затих. Улавливаю звук открывающейся справа от меня двери, негромкий щелчок закрывшейся. Не знаю, надолго ли, но я снова предоставлена самой себе. Точнее, собственным мыслям.

В черепной коробке начинает стрелять. Эта боль напоминает последствия жестокого похмелья, когда кажется, будто в твоей голове взрывается сотня петард, но это только начало. Взрывы быстро уступают место другим ощущениям. Могу поклясться своей не слишком долгой жизнью, что кто-то бесчеловечный и незримый неожиданно начинает вводить в мою голову через левое ухо слабый раствор кислоты, а спустя несколько секунд, с помощью правого, очень медленно припадает высасывать все тлеющее и воспаленное содержимое наружу. Боль адская, и спасения от нее нет. По крайней мере, не для меня. Я физически ощущаю болезненные передвижения внутри черепа. Самое страшное, что я не в состоянии просить о помощи, и персонал клиники может только строить догадки на счет того – как, где и что у меня болит, и болит ли вообще. Опорожняюсь я под себя, скорее всего не без помощи какого-нибудь хитромудрого катетера (по-маленькому так точно), а потом смиренно жду, пока кто-нибудь приберет. На большее я неспособна. Моя участь – ждать.

Пожар, похоже, повредил многое во мне, вот только по какой-то самой фантастической случайности не затронул мозг, и он способен работать на все те же сто с лишним процентов. И это самое ужасное. Злосчастное «не судьба» и в этот раз не оставило мне выбора.

* * *

Одним из лучших периодов моей жизни было начало апреля девяносто третьего, я была тогда еще единственным ребенком и понятия не имела, ЧТО наше небольшое семейство ждет впереди.

В марте отец подхватил вирусную пневмонию и больше месяца не пил, а вместо вечернего досуга у телевизора с пивом и сухариками мастерил мне домик на дереве. Домик так и не достроил, пятнадцатого апреля он стал отцом второй дочери, моментально раскодировался, и ему уже было не до забав со мной. Пол, две стены и целлофан вместо крыши трудно назвать полноценным домиком, но это было лучшим местом для моих игр на протяжении трех лет. Тем более это единственное, что для меня сделал в этой жизни отец, кроме того, что сделал меня.

От частых дождей, снегов и палящего солнца незащищенное от ненастий деревянное сооружение начало гнить и в конечном итоге рухнуло. Третьего февраля девяносто шестого сильный ветер сорвал с яблони последние доски, выполнявшие роль пола. Глядя из окна гостиной на опустевшее дерево, я проплакала весь вечер, а утром четвертого числа искренне радовалась тому, что никто и никогда не сможет отнять у меня воспоминания о тех днях, которые я провела в своем домике.

Спрятавшись от всего мира на высоте в пару-тройку метров, я часто угощала воображаемым чаем своего слона Федю и регулярно подкармливала семейство белок, поселившихся на соседнем дереве, реальными вкусностями. Зимой мой дом украшало от пяти до десяти кормушек для птиц, и я ни разу не забыла насыпать в них крупу или хлебные крошки. В дождь, снег или зимнюю стужу, прежде чем отправиться в школу, я заботилась о рационе несчастных синиц и воробьев, которым в холод было несладко. Иногда залетали полакомиться даже дрозды и дятел, а я стояла в нескольких шагах от яблони и боялась шелохнуться, чтоб не спугнуть голодных птиц. Хотя больше всего в моем чудодоме радовали не благодарные трели птиц и довольный вид Феди, а завистливые взгляды Зои, которой оставалось только в собственных мечтах быть моей гостьей и злобно развешивать на деревьях возле собственного дома пародии на мои кормушки.

Зимой девяносто четвертого я впервые серьезно заболела. Ангина, тот еще сюрприз. Но со стадом колючих ежей в горле, сопровождаемым высокой температурой и неспособностью нормально глотать даже собственную слюну, у

меня связаны теплые воспоминания. Той зимой себе в помощь мама вызвала бабушку Галю, папину маму, которая помогала со мной, пока мама возилась с Клавдией. Чтобы отвлечь от болезни, тоски-печали и скуки, бабушка принялась обучать меня рукоделию. До сих пор кончики пальцев нервно подергиваются от ужаса, когда я возвращаюсь в те дни, но на душе становится тепло.

То, что плести крючком – не мое, я поняла сразу, достаточно было одного взгляда на этот странный предмет. Вышиванием я увлекалась ровно один день. Это слишком кропотливая работа, и остекленевшие от болезни и лекарств глаза просто отказывались напрягаться. А вот вязание меня увлекло, пусть и ненадолго.

За считанные дни я сумела проколоть острыми спицами нежную подушечку почти каждого пальца, а указательные и большие страдали не единожды. Но это занятие я не бросила. А как я гордилась всеми своими удавшимися «лицевыми» и «изнаночными», когда у меня начало получаться!

Седьмого апреля мой Федя получил в подарок кроваво-молочного цвета шарф. Шарф должен был быть просто молочным, но проколотые пальцы внесли свои правки. Я принципиально его не стирала ни единого раза, с любовью рассматривая каждое из четырех засохших рыжих пятен крови, вытекшей из моих несчастных пальцев. Этот «шарф», если так можно назвать плетеную линейку, не в состоянии согреть даже шею Барби, не то что слона. Но это ничуть не сказывалось на моей гордости. Позже этот шедевр рукоделия я стану носить на запястье руки как напоминание, что в каждом ужасном и болезненном дне можно отыскать что-то хорошее. Жаль, что иногда дни бывали слишком кошмарными и шарф казался лишь бесполезно болтающейся на моей руке тряпкой.

ОТЕЦ

17 октября 1995 года (третий класс, восемь лет)

Во время второго урока у меня ужасно разболелась голова. Терпеть боль и сидеть на занятиях с жаром в мозгах у меня нет никакого желания. Я сразу сообщаю учительнице о своей проблеме, и она тут же отправляет меня в школьный медпункт. Пожилая медсестра, похожая на перекормленного бульдога, складки которого не скрывал, а подчеркивал меньший на пару

размеров белый халат, равнодушно измеряет мне температуру и, сухо констатировав «37,3», отправляет выздоравливать домой.

– Что толку травить тебя аспирином, если я знаю, что он не поможет? А других лекарств у меня нет. Ступай домой, пусть мама напоит тебя горячим чаем с малиной да медом, пользы больше будет. Так и передай маме, что я прописываю тебе как можно больше горячего питья, куриный бульон и постельный режим. Через пару-тройку дней от простуды и следа не останется.

К тому времени как я возвращаюсь в класс за вещами, голова болит уже не так сильно, как я стараюсь это изобразить, я могла бы перетерпеть неприятные спазмы, но мне так не хочется сидеть на уроках. Куда интереснее смотреть по видеомангнитофону любимые мультики, тем более когда никого нет дома. Медсестре, естественно, о том, что мамы дома нет и кормить меня бульоном некому, знать необязательно. А чай с вареньем я и сама умею делать, да и где стоит мед – знаю.

Вот уже неделю мама лежит в больнице с сестрой и появляется дома не чаще одного раза в день – за свежим бельем и едой, а бывает, и не появляется вовсе. У Клавдии «поднялся ацетон». Что это такое, я не знала, но тихо радовалась отсутствию в доме вечно болеющей и хнычущей не слишком удачной копии меня. Папа ежедневно трудится на пилораме и домой раньше семи вечера не является. Выходит, дом полностью в моем распоряжении. Сейчас папа не сможет отправить меня учить уроки, чтобы, развалившись в кресле с банкой пива, в одиночку смотреть свои дурацкие боевики.

Теплых чувств, которые я испытывала к маме первые тринадцать лет жизни, в отношении к отцу у меня не было никогда. Многие утверждают, что все девочки обожают своих папочек, но это не про меня.

Я никогда не любила своего отца даже за то, что от него мне достался белый цвет волос и почти васильковый цвет глаз. «Ангелочек» – было с ранних лет моим вторым именем. Но что мне с этого? Круглолицый, светловолосый, полноватый мужчина не выглядел привлекательно ни летом, ни зимой. Лицо отца практически всегда было красным, то ли от постоянного присутствия в крови алкоголя, то ли по каким-то другим причинам (хотя вряд ли). От папы постоянно несло спиртным, сигаретами, потом, и всякий раз как он склонялся

над моей колыбелью, проявляя ко мне интерес и внимание, я начинала хныкать. Мне совершенно не хотелось, чтобы этот человек играл со мной или брал на руки, хотя в период обострения отцовского инстинкта это случалось, и всякий раз я чувствовала приступ удушья. В минуты, когда отец держал меня на своих сильных руках, самодовольно и гордо шептал в мое крошечное лицо: «Моя малышка. Хах! Даже представить не мог, что произведу такое крутое потомство!», кроме отвращения к ужасному запаху перегара, я ничего не чувствовала и начинала реветь. Мне было приятно получать от папочки всякие вкусности и мелкие подарки, но даже они не могли разбудить во мне тех чувств, которые, наверное, должны быть у любящей и любимой дочки. Возможно, дело в том, что и от него я никогда не слышала ни единого «люблю», а только «это моя девочка!», будто я футбольный кубок, по счастливой случайности доставшийся ему, а не дочь, которую нужно просто любить и хоть изредка обращаться к ней, не заполняя ее легкие вонючим выхлопом спиртного.

Возвращаюсь к семнадцатому октября.

Я захожу в дом, прохожу в свою комнату, где избавляюсь от невыносимо тяжелого портфеля и верхней одежды. Натягиваю на себя спортивный костюм. Заглядываю в родительскую спальню в поисках стареньких, но таких уютных маминых горчичных тапочек. Следуя предписаниям врачихи, отправляюсь на кухню за лекарством – малиновым чаем и медом.

Воду кипячу прямо в кружке, предназначенной специально для подобных мелких чаепитий, так как чайник на плите нагревается намного дольше. В холодильнике без проблем нахожу варенье, а еще тарелку с остатками вчерашних блинчиков маминого производства. Иду в гостиную, единственную комнату с телевизором, и подставляю ближе к дивану журнальный столик. Возвращаюсь на кухню за своими припасами. Включаю телевизор, видеомагнитофон. Из десятка предназначенных для моего просмотра кассет нахожу нужную с мультфильмом «Том и Джерри». Набрасываю на плечи плед, нажимаю «плей», вооружаюсь горячей кружкой и холодным, но не менее вкусным от этого блинчиком. На экране появляется знакомая заставка, а на моем лице – довольная улыбка. Разве можно проводить время еще лучше? О том, что у меня все еще болит голова, я забываю моментально.

Успеваю два раза откусить блинчик и делаю один глоток чая, когда со стороны входной двери до меня доносятся чьи-то голоса и смех. Вздрагиваю. Быстро

сбрасываю с плеч плед. Выключаю всю технику и успеваю оттащить на место, к окну у телевизора, стол, но на самую быструю пробежку до кухни времени нет. Хватаю безумно горячий чай и несусь к себе в комнату. Понятия не имею, кто это может быть – грабители, кто-то из родителей или очередные свидетели чего-то там, выпрашивающие пожертвования, но инстинкт самосохранения заставляет запереться на защелку.

Ставлю горячую кружку на пол, а сама припадаю ухом к двери. Первые несколько секунд ничего, кроме сумасшедших ударов собственного сердца, услышать не удастся. Зато потом...

– Ну, ко-о-о-тя-я-я! Ну не надо... – протяжно звучит женский, не мамин, голос, а потом по дому разливается звонкий смех.

– Еще как «надо», – раздается уверенный и многообещающий голос папы.

– Ну ко-о-о-о-тяя...

Хихиканье и череда непонятных звуков. Одна за другой на пол начали падать какие-то вещи. Быть может, это забытая Клавдией кукла, оставленный мной учебник, пульт или мамин любовный роман, давно поселившийся на диване в гостиной. Практически сразу начинает скрипеть наш старенький диван. Дальше внятных речей я не слышу, а только прерывистое «ах» или протяжное «да». Это был сто тридцать девятый раз, когда мне довелось слышать нечто подобное, вот только в этот раз мама к издаваемым звукам не имеет никакого отношения.

Отхожу от двери, но не для того, чтобы отвлечься на что-либо другое, а чтобы набраться смелости и выглянуть за пределы комнаты. Любопытство сильнее страха. Наверное, поэтому в любом жутком ужастике, вместо того чтобы проигнорировать непонятные и пугающие звуки, народ, едва ли не отдавая богу душу, все же стремится выяснить первопричину будоражащих стонов, холодящих кровь скрипов половицы, неизвестного происхождения стуков или плача, доносящихся из каких-нибудь темных углов.

Тихонечко отпираю дверь своей комнаты, аккуратно высовываю нос, а затем и все остальное. Уверена, папа знать не знает, что кроме него и его «гостьи» в нашем доме нахожусь еще и я. Дом у нас небольшой, все четыре комнаты, ванная и кухня находятся на одном-единственном этаже, и чтобы попасть в

гостиную, мне хватает десяти шагов на цыпочках. Вход в гостиную украшают шторы, за которыми я старательно прячусь, а немного раздвинув их, с помощью всего одного глаза, мой мозг начинает заполняться новым неизгладимым воспоминанием – отцовским трахом с незнакомой теткой.

Невысокого роста пышногрудая блондинка в полусогнутом состоянии опирается руками о спинку дивана, а папа, обхватив ее бедра, то и дело насаживает ее себе на член. У обоих обнажены ноги, хотя джинсы до конца не сняты, а выполняют роль пут. Верхняя часть папы одета в его рабочую темно-синюю спецовку, из-за грязи и смол почти черную. Тетка же в одном лифчике, хотя на полу, у ее ног, я вижу красное тряпичное пятно, которого еще несколько минут назад в гостиной точно не было.

Женщина запрокидывает голову, закатывает глаза и улыбается так, будто попала в рай. Папино лицо не просто красное, а жуткого багрового цвета, на лбу появилась страшно вздутая вена. Он тоже время от времени запрокидывает назад голову, болезненно стонет, в конце концов кричит: «КА-А-А-А-ЙФ!!!» – и все прекращается. Они оба падают на диван, а я спешу назад в свою комнату.

– О-о-о, котя, это было... Это было круто, – слышу довольный голос незнакомки.

Отец отвечает ей на свой излюбленный самодовольный манер:

– Еще бы.

– Ты не перестаешь меня удивлять. Всякий раз после очередной нашей встречи зарекаюсь завязать с этим, но отказать себе в подобном трахе выше моих сил.

– Да, детка, у меня та же фигня.

За запертой дверью я просидела еще долго, хотя папа со своей неугомонно хихикающей теткой (такое впечатление, что отец ей все время анекдоты рассказывал, так весело она ржала) покинули наш дом спустя полчаса. Я не понимала до конца смысла всего случившегося, что не особо меня тревожило, ведь я знала, что рано или поздно разберусь во всем.

Тогда я не знала одного, что видела начало конца, а заодно убедилась в том, что не люблю отца не просто так – он не заслуживает моей любви, он не заслуживает маминой любви. Но если за свои чувства я могу отвечать, то за мамыны никто, кроме нее, ответа не несет. Я привычно умолчала об этом своем воспоминании, стараясь не думать о том, что все тайное рано или поздно становится явным. А еще я больше ни разу не пришла домой раньше положенного времени. Даже когда по какой-то причине последний урок отменяли, а бывало и не один, я шаталась по улицам, безрадостно пиная попадавшиися на пути камушки, считала ворон, кормила голубей, пряталась от дождя или снега на автобусной остановке, но домой – ни ногой.

МАМА-ПАПА

1 марта 1996 года (третий класс, восемь лет, Клавде почти три)

– Я просила тебя не приводить в наш дом своих шлюх! Я устала натекаться в собственном доме на чужое грязное белье.

Прижимая Клавдию к груди, я сижу у себя в комнате на кровати, дверь широко раскрыта. Я напугана. Подобных скандалов между родителями прежде не случалось. Клавдия испугана еще больше, ей нет даже трех лет, и понимает она еще меньше моего, а вот воспринимает все острее. Мне кажется, еще чуть-чуть, и ее маленькое сердце выпрыгнет из груди, а вот-вот сорвавшиися с таких же васильковых, как у меня, глаз слезы попросту затопят наш дом.

– Не бойся, все будет хорошо. – Я легонько касаюсь рукой белоснежных волос сестры и продолжаю играть роль взрослого рассудительного человека – кто-то ведь должен быть сильнее. – Все иногда ссорятся.

Я говорю утешительную правду, от чего самой легче не становится. Уже завтра, пусть даже через неделю или две, Клавдия лихо спрячет эти минуты в глубоких подвалах собственной памяти с бесконечными стеллажами заархивированного прошлого, но я обречена четко помнить каждую из этих ужасных минут до конца своих дней.

– Тебе надоело? – голос папы звучит вызывающе. – Надоело, говоришь? Думаешь, мне нечем крыть? Мне тоже надоело возвращаться по вечерам в пустой дом и

трахать по ночам одеяло! Триста дней в году, из всех имеющихся трехсот шестидесяти пяти, тебя не бывает дома. Что прикажешь мне делать – молодому здоровому мужику с вполне естественными потребностями?

– Это неправда, – голос мамы дрожит. – И как только у тебя язык поворачивается бросаться подобными вещами? Если меня часто не бывает дома, то не потому, что я где-то прохлаждаюсь, не желая возвращаться. Между прочим, в это время я выхаживаю нашу дочь, борюсь за ее здоровье. В то время как ты удовлетворяешь «потребности здорового мужчины», я пытаюсь вырвать НАШУ дочь из напасти болезней.

– Отлично! А как насчет еще одной дочери, а? О том, каково ей расти без мамочки, ты подумала?

Тут бы мне пропитаться, наконец, любовью к папочке (в кои-то веки он вспомнил о моем существовании), но эти его слова заставляют меня не любить его еще больше. Как он может прикрываться мной?

– Господи! Не впутывай сюда Лизу, сейчас не о ней речь.

– Но ведь ты сама начала с Клавы, почему я не могу вспомнить о Лизе?

– Если бы ты меньше заливался пивом, мне бы не пришлось ничего начинать. У нас был бы здоровый ребенок и я, как тебе того хочется, всегда была бы дома. Вот только благодаря твоей заспиртованной сперме у нас родился ребенок с букетом всевозможных болячек и чрезмерно ослабленным иммунитетом, так что, кроме себя, тебе винить некого.

– Если бы я меньше «заливался» – у нас вообще не было бы детей, у меня бы попросту не встал на такое фригидное полено, как ты.

Дальше несколько минут тишины, которые нарушает мамин всхлип.

– Прекрасно. Вот мы и выяснили, откуда в нашей семье берутся дети. Что ж, лучше поздно, чем никогда. Но знаешь, этот разговор я начинала не о себе. Какой бы ужасной женой и матерью я ни вырисовывалась с твоих слов, это не дает тебе права трахать всяких шлюх под нашей крышей. Если тебя все так не

устраивает, не вижу смысла играть в семью и дальше. Я без проблем дам тебе развод, но вытирать о себя ноги больше не позволю.

Голос мамы дрожит еще сильнее. Я слышу, как она шмыгает носом, но слова звучат уверенно, я бы даже сказала – обдуманно. Скорее всего, мне многое неизвестно об отношениях родителей, как неведомо точное количество ссор, свидетелем которых я не была, и то, сколько раз мама обдумывала произнесенные слова и вынашивала в себе эту речь. А я ведь всегда считала свою семью пусть не идеальной, но крепкой. Мама, казалось, с удовольствием обхаживает отца, следит за домашним уютом, возится с нами и никогда не жалуется, не ворчит без повода ни на нас с Клавдией, ни на своего непутевого муженька. Отцу вообще грех жаловаться – сыт и обласкан, живи да радуйся. Из их спальни, пусть не так часто, как в моем раннем детстве, но все же доносятся кое-какие недвусмысленные звуки. Что не так-то?

– Отлично. Обещаю подумать над таким заманчивым предложением. – Звучат последние слова папы, а затем оглушительный звук захлопнувшейся входной двери. Мама взрывается рыданиями.

Прежде чем прикрыть дверь в свою комнату, я жестами велю Клаве сидеть тихо, а сама беззвучно пробираюсь в гостиную. Пытаюсь оценить ситуацию, снова прячусь в проходе, за шторами.

Упав коленями на пол, мама положила спрятанную в ладонях голову на все тот же диван, на котором папа пару месяцев назад развлекался с незнакомкой, а ее тело содрогается в безумном истерическом припадке.

Очень хочется пожалеть маму, обнять, погладить по волосам и сказать ей, что все обязательно будет хорошо, как поступала сотни раз она, но я не делаю этого. На собственных щеках появляются мокрые ручьи, но я продолжаю прятаться. Всякий раз, когда в слезах захлебывалась я, будь то из-за разбитой коленки или испорченного платья, двойки, и меня принимались жалеть и утешать, плакать хотелось еще больше. А мне так хочется, чтобы мама плакала как можно меньше, а лучше бы это не происходило никогда. А в идеале пусть бы папа никогда не возвращался бы домой.

Спустя пару минут я тихонько исчезла в своей комнате. На своей территории я с усердием принялась отвлекать от случившегося Клавдию, предлагая своего

Федю и Барби, до которых прежде ее не допускала. Ни один ребенок в мире не должен становиться свидетелем подобных сцен. Даже если бы я была нормальной и рано или поздно смогла сгладить в своем мозгу некоторые нюансы, забыть это полностью мне бы едва ли удалось. Да, я бы вряд ли вспомнила, что сегодня в доме пахло сгоревшей яичницей, что мамины ноги согревали носки малинового цвета, а коричневая вязаная кофта была перепачкана мукой, но ее дрожащего голоса, ненависти во взаимных обвинениях, душераздирающих слез забыть не сумела бы даже спустя годы.

Тепло поглаживаю увлеченную игрой с Федей сестру по спине и тихо радуюсь за нее, ведь она еще совсем малышка и вряд ли когда-нибудь вспомнит об этом кошмаре, а я... У меня нет выбора.

Уже на следующее утро о скандале никто не вспоминает. Мама хоть и не разговаривает с папой, но привычно готовит ему завтрак и собирает на работу обед. Клавдия, схватившись за подол коричневого байкового халата, таскается за мамой и, по обыкновению, ноет, а я изо всех сил стараюсь играть во взрослую игру – вчерашний день – это уже прошлое, которое не стоит ворошить.

Первое марта девяносто шестого заставило меня, девчушку восьми лет, взглянуть на своих родителей под другим углом. Я то и дело прокручивала в голове мамино «не со зла», сказанное мне давным-давно, и отказывалась верить в то, что гадости, которыми друг друга забрасывали родители, можно списать на это. Но папа обидел не меня, а ее, и ненавидеть его должна она. Тогда почему это чувствовала я?

Сначала мне было безумно жалко мою несчастную мать – ее муж козел, а ей, бедной, и деваться некуда с багажом в лице двух дочек. Тем более что Клавдия вскоре в очередной раз попала в больницу с отитом. Но с другой стороны, в свое время ее мать не стала церемониться со своим супругом-кобелем и сбежала от него быстрее, чем солнце успело уступить место на небе луне.

Наверное, маме попросту некогда было разбираться в отношениях с отцом. Но прошел месяц, затем еще один, потом за плечами остались полгода, а в их с папой жизни ничего не изменилось. Той страшной ссоры вроде и не было никогда. Как так можно? Как можно услышать подобные вещи в свой адрес и суметь переступить через это? Как можно быть настолько безвольной

женщиной, чтобы прощать мужу бессчетное количество измен (а я уверена – то, что я видела, лишь вершина папиного Эвереста) и ежедневно ложиться с ним в одну кровать, а тем более продолжать заниматься с ним сексом? Как можно простить кому-то собственную многочасовую истерику и литры пролитых на пол слез? Я не понимала. Я отказывалась это понимать. Хотя откуда мне знать, по каким принципам функционирует мозг здоровых людей, как он стирает память, убивает боль, вычеркивает обиду и злость?

Особенно противно было наблюдать за родителями в новогоднюю ночь.

Тридцать первого декабря девяносто шестого года мы всей «дружной» семьей собрались за праздничным столом в гостиной у телевизора. Клавдия в кои-то веки была здорова, а родители вроде как счастливы. Мама то и дело обнимала папу, а папа довольно улыбался, не скупился на поцелуи и нежно водил рукой то по ее волосам, то по ляжкам. Мама сверкала от счастья не хуже нашей новогодней елки. Но в моих ушах назойливым комаром пищали ЕЕ и ЕГО слова, услышанные в начале весны. А еще я никак не могла избавиться от картинки – отец и пышногрудая блондинка на диване в гостиной. Она стояла у меня перед глазами, тряся своими прелестями над тарелкой мандаринов.

В какой-то момент я не выдержала. Бросив вилку на стол, закрыв руками лицо, я выбежала из-за праздничного стола. Это было выше моих сил, выше моего понимания. Взрослая жизнь – сплошной самообман. До сих пор задаюсь вопросом – если бы в наследство от бабушки Нины маме досталось хотя бы десять процентов ее гордости и самоуважения, как бы сложилась моя жизнь в этом случае?

Лиза Кот

Наши дни

В нос ударяет едкий запах родом из детства, вырывая меня из пелены воспоминаний. Жасмин и оладьи – два ингредиента, входящие в состав аромата моей мамы. Дешевыми жасминовыми духами она всю жизнь пыталась искоренить запах кухни и лекарств, но этот прекрасный цветок был бессилен в неравной борьбе. Кухня и больница – все, что видела в этой жизни моя мать, их

запахи впитала каждая клеточка ее тела, не то что одежды. Но, кроме себя самой, ей винить в этом некого.

– Лиза, девочка моя...

Жалость. Родной голос пропитан жалостью слишком обильно, как тампон кровью в первые дни месячных. Почему в этот раз у меня не спросили, хочу ли слышать сейчас свою мать? Почему она просто появилась в моей палате?

В мозгу начинают пульсировать все имеющиеся кровеносные сосуды, которые насыщают его кислородом. Если б у меня (по счастливой случайности) была аневризма, именно в этот момент она бы обязательно лопнула, так остро я чувствую кровеносное давление у себя в голове.

Голос. Как же мне нужен в этот момент мой собственный голос, чтоб выставить за дверь жасминовый куст, десятилетиями стоявший на кухне.

– Госпожа Агата, у вас не больше пяти минут. Ваша дочь еще слишком слаба. – Слышу медсестричку и хочется завопить: «Я не настроена на прием гостей, сжальтесь!», но кроме провалившейся попытки привлечь к себе внимание с помощью собственных сжатых кулаков, я ни на что не гожусь.

Улавливаю покидающие палату шаги, но цветочный аромат не испарился – ушла медсестра. «Черт!»

– Милая, как же это?.. – Мама то ли спрашивает, то ли не может поверить собственным глазам. – Как только подобное могло произойти... Лиза...

Сквозь слова пробивается бульканье, характерное для сдержанных рыданий. Скорее всего, зажав пальцами нос, мама глотает слезы, чтоб не таскать туда-сюда соплю.

– Клавдия тоже хотела приехать, но у нее Мила снова болеет, надо ж было девочке унаследовать мамин ген, отвечающий за все болячки рода человеческого. – Ироничный смешок. – Хорошо хоть у Кирюши отцовское здоровье, богатырь, весь в Николашу.

Мила, Кирюша и Николай – счастливое семейство моей младшей сестрицы-наседки. Дети, муж и счастливая семья должны быть у меня, ведь это я старшая, но в свои двадцать пять я сумела обзавестись только тремя разновидностями инвалидности. А Клавдия в двадцать...

– Да и, по правде говоря, Клавдия снова в положении...

«Быть этого не может! – взрывается в голове. – Сестренка решила превратиться в свиноматку, или Николаша, который старше жены на десять лет, не в курсе, что человечество давно изобрело средство контрацепции – гондон?»

– Я так рада за нее. Жаль, что вы не общаетесь. Тебе обязательно понравились бы племянники. Да и с Николаем Клавдии повезло, прям муж с большой буквы.

Сожаление и горечь. Теперь голос мамы превратился в кислый аспирин, который не спасает от боли, а усугубляет. Так и хочется задать вопрос: «К чему мне вся эта информация, или это какой-то извращенный метод наказать меня за МОЮ жизнь?»

– Лиза... – тяжелый вздох и такой желанный для меня момент полной тишины.

Скорее всего, сейчас мама растирает ладонями лоб или же тербит кончик пояса своей любимой, древней как этот мир, вязаной кофты. А вот о чем в этот миг она думает, я не могу знать. Быть может, сожалеет, что я не умерла много лет назад, хотя шансов предоставлялось больше, чем любому среднестатистическому человеку. Возможно, прокручивает свою жизнь, которая в очередной раз привела ее в больничную палату. А возможно, именно сейчас мама сожалеет о том, что я вообще появилась на этот свет, ведь, кроме слез и разочарований, я ничего не привнесла в ее жизнь. Очень даже может быть, что мысли мамы заняты вообще не мной. Я не могу пробраться в мозг к другому человеку, да мне этого и не нужно. Зато в собственной голове у меня носится по кругу одна и та же фраза: «Пожалуйста, уйди. Пожалуйста, уйди. Пожалуйста, уйди...»

– Лиза, прости меня за все, ради всего святого. Прости, что не уберегла. Прости, что не стала той матерью, которой достойна такая дочь, как ты. Прости, что не уследила, не усмотрела, упустила... Лиза, я старалась, как могла, прости, что этого оказалось недостаточно...

Мама больше не пыталась сдерживать слезы, а я будто снова оказалась в огне, который съедал мою плоть сантиметр за сантиметром. Но самое страшное, в этот раз я горела изнутри.

– Господи, Агата, вы чем это тут занимаетесь?! – Белокурым коршуном в палату ворвался испуг. – Меньшее, что сейчас нужно вашей дочери, – ваши слезы. Встреча окончена. Пока вы не возьмете себя в руки, вы больше не увидите Елизавету.

«Спасибо!» – тут же раздается в черепной коробке, но незримое присутствие мамы, благодаря обонянию, я ощущаю еще долго.

Осознаю, что плачу, вот только понятия не имею, как это сейчас происходит и куда деваются слезы. Я не чувствую, чтобы по моему лицу катилась влага, хотя, наверное, это логично, так как я понятия не имею, осталось ли что-то от того, что я по привычке продолжаю называть лицом. Внизу живота тоже чувствую легкий спазм, понимаю, что организм решил выдавить влагу еще из одного места – непроизвольно мочусь, от чего слез становится больше.

Прикрываю глаза. Точнее, в мозг поступает импульс, что я их прикрываю. На самом деле я который день нахожусь в крошечной темноте и могу только догадываться, а не сожрал ли огонь веки, которыми люди обычно спасаются от солнца, будто шторами. В ушах назойливо пищит мамино «прости». Именно «пищит», как самый противный из всех существующих на этом свете комаров. Комар, которого так и хочется прихлопнуть.

Простить? Хах, смешно. Если б только я умела отпустить обиды и освободиться от нанесенной ими боли...

Жизнь мамы не похожа на ароматное сладкое варенье из роз, я это понимаю. Но в том, что ее жизнь очень даже напоминала тропинку с разбросанными по ней граблями и кучками дерьма, виновата она и только она. И она сама виновата, что не свернула на другую. У всех и каждого есть право выбирать, и именно «выбор», правильный или нет, рисует узоры наших судеб.

* * *

Мне было почти два года, когда я услышала всю «правду» о себе из уст маминой мамы. До сих пор удивляюсь, как мама могла любить то свинцовое чудовище, которое породило ее на этот свет. Наверное, теплые чувства можно списать на память, точнее, на способность мозга сглаживать и приукрашивать. А память моей мамы очень часто творила чудеса. Иногда мне казалось, что те девять месяцев, что мать носила меня под сердцем, я питалась клетками ее мозга и поэтому заработала себе гипермнезию, оставив маму в дураках. Иначе как объяснить мамину неспособность относиться к своим обидчикам по их заслугам? Простить можно многое, но далеко не все.

Никогда не любила бабушку Нину, но это не мой выбор, а просто ответная реакция. Любить кого-то, зная, что тебя этот человек ненавидит, по меньшей мере, глупо. А бабушка с самого рождения терпеть меня не могла. И это точно не мои вымыслы. Ее ко мне отношение немного улучшилось после того, как все поняли, что я особенная. Наверное, женщина, подарившая жизнь моей маме, решила про себя, что необычный ребенок все же лучше, чем обычный ублюдок, но до этого дня...

Бабушка Нина всегда наводила на меня страх. Огромная бесформенная глыба с ореховыми волосами на пару тонов темнее, чем у мамы, и ледяным взглядом. Она не была толстой, просто крупной, квадратной тушей с двумя выпирающими арбузами чуть выше пупка. Внешность бабы Нины нисколько к ней не располагала, а о ее нраве сложно было бы забыть, даже имея нормальную память.

Седьмого апреля тысяча девятьсот восемьдесят девятого года мама потащила меня в гости к бабушке. Естественно, она нарядила меня в самые изысканные розовые наряды и, естественно, счастливо толкала впереди себя мою темно-фиолетовую коляску, любезно предоставленную мне в дар какой-то соседской теткой, дитя которой выросло.

Я помню тот день до мелочей, равно как и все остальные прожитые. Помню, как в воздухе пахло приближавшей весной. Помню, как радостно щебетала позади меня мама, хотя до сих пор понятия не имею, что именно она пыталась донести до моего неокрепшего мозга. Помню серость улиц – и это прекрасно. Вот только слова моей так называемой бабули мне всегда хотелось затерять в лабиринтах

мозга и никогда о них не вспоминать, но...

Для того чтобы в более сознательном возрасте иметь возможность расшифровать услышанное, мне важно было видеть лица людей, их рты. Только в таком случае услышанные в раннем детстве слова позже обретали смысл. С возрастом и увеличением словарного запаса белых звуковых пятен из детства становилось значительно меньше. Запоминать звуки, не видя картинки, у меня стало получаться, только когда я начала понимать каждый из них. Но в этот день бабушка Нина постаралась, чтобы я запомнила все изгибы ее губ.

БАБУШКА НИНА (мамина мама)

7 апреля 1989 года (год и десять месяцев)

Опьяненная свежестью воздуха, я сладко уснула, а проснулась на бабушкиной кухне. Моя коляска стоит напротив обеденного стола, за ним сидят мама с бабушкой, громкий голос которой меня разбудил.

Своим холодным взглядом бабушка, словно сделанная из стали каким-либо любителем крепких форм, сверлила меня и тыкала в мою сторону чайной ложечкой:

- ...А я говорила тебе, чтобы ты делала аборт. Я ведь знала, что эта твоя любовь добром не кончится. Скажи - ОНО того стоило?

- Мама, не говори так! Это не «оно», это твоя внучка. - Мама отчаянно пытается защищаться, но против танка с голыми руками... Это было самоубийство.

- Хах, тоже мне, «внучка»! - Бабушка бросила ложку на стол и теперь целилась в меня указательным пальцем, напоминающим по форме острую сосульку. - Это маленькое существо испортило твою жизнь, а МОЯ внучка подобного не сделала бы. Подарив жизнь этой девочке, ты похоронила себя, свое будущее.

Голос бабушки громкий и страшный. Мамин - полон обиды, дрожи и слез.

- Мама! Мама, опомнись, прошу! - Моя мама вытирает с лица воду, а я боюсь дышать, только глазами вожу из стороны в сторону, будто маятником,

вглядываясь то в бабушку, то в маму. Абсолютно не понимаю, что происходит, но на подсознательном уровне чувствую собственную вину. А еще меня ужасно пугает грозный вид бабушки, из-за чего я даже не позволяю себе расплакаться, а незаметно писаю в ползуны.

– Я в здоровой памяти, в отличие от тебя, когда ты ложились под это подобие мужчины! – У бабушки из ноздрей едва ли не идет пар, как у здоровой строптивой лошади. – У тебя могла бы быть замечательная жизнь, карьера, о которой можно только мечтать, муж кандидат наук. А что творишь ты?

– Почему же ты от своего профессора сбежала? Почему предпочла карьере и почестям – свиней с курами?

На короткое время в воздухе повисает тишина. Мама вскакивает из-за стола, а бабушка, сцепив руки на коленях, опускает на них глаза.

– Сейчас не обо мне речь. – Сухо. Холодно. Безжизненно. Бабушка всегда умела держать удары достойно. Это, пожалуй, единственное, за что мне стоит поблагодарить ее – пример, как надо держать удары.

– Да нет, мама, всегда только о тебе! Если бы у тебя все сложилось с папой, может быть, ты бы не портила мою жизнь, а занималась счастливой своей. Я люблю своего мужа, люблю своего ребенка и люблю свою жизнь. А то, что тебя это все не устраивает, это твои проблемы. Если ты не перестанешь называть Лизу «оно» или «эта девочка», клянусь, ты ее никогда больше не увидишь, как и меня.

Бабушка ядовито ухмыляется и скрещивает руки на груди. На ней стального цвета кофта грубой вязки, что превращает ее в уродский памятник, сделанный из камня самой низшей пробы.

– Может, еще предложишь полюбить твоего алкоголика? Заставишь меня уважать его, ценить?

– Я ничего тебе не предлагаю. Живи как знаешь, люби кого хочешь, а мы без твоего уважения как-нибудь проживем. Только помни, мама, я твоя единственная дочь, а Лиза – единственная внучка. Извини, но эти вещи изменить невозможно. Мне больше нечего добавить, разве только – жду в гости только

тогда, когда ты, наконец, решишь, кто мы для тебя – твои разочарования или единственные на всем белом свете родные люди.

Мама исчезает из моего поля зрения, и в следующую секунду моя коляска трогается с места. Бабушкин силуэт исчезает. Каменная глыба не проронила больше ни слова, а по дороге домой я больше не слышу маминых веселых рассказней позади себя. Отчаянные всхлипывания не прекращаются до порога нашего дома.

* * *

Бабушка появилась в нашем доме спустя пару месяцев, на мой второй день рождения. Ее руки сжимали большую говорящую куклу, с которой всю свою жизнь я боялась играть, и только Клавдия сорвала с нее праздничную упаковку с бантом почти черного цвета.

В этот день, тридцатого мая восемьдесят девятого года, на бабушке было траурное прямоугольное платье: ни подчеркнутой талии, ни выделенной линии бедер – черный прямоугольник. Покрой платья полностью соответствовал фигуре. Цвет наверняка был подобран тоже не просто так. Ореховые волосы, с парой седых прядей на каждом из висков, гладко зачесаны назад и собраны на затылке в тугий пучок. Губы улыбались, а глаза продолжали ненавидеть и презирать. Но мою маму устроил даже подобный вариант примирения, она охотно набросилась на бабушку с объятиями. Я сидела за праздничным столом в воздушном бело-розовом платье, с большим, чем моя голова, белоснежным бантом на макушке, внимательно всматривалась в происходящее, чтобы спустя несколько лет искренне удивляться тому, как мама может простить бабушке тот день. Но люди странные существа, а обо всех способностях мозга приходится догадываться даже сейчас – в век нанотехнологий. Думаю, чтобы продолжить размеренную спокойную жизнь, мама привычно списала все на свое фирменное «не со зла» и окунулась в настоящее, оставив прошлое в прошлом.

Гораздо позже ко мне пришло понимание: почему бабушка так строга к маме и так ненавидит меня. А дело тут вот в чем. Ее брак с кандидатом исторических наук, профессором и так далее, моим дедом, который увез ее из нашего городка в большой город и приучил к хорошей жизни, уничтожила измена. Она достаточно комфортно чувствовала себя в роли просто жены профессора и гордилась этим. Ей нравилось приравнивать себя к интеллигентной дедушкиной

династии педагогов, кандидатов разнообразных наук и профессоров, но все в один миг рухнуло, как Советский Союз. В один из дней, счастливой, как полагала бабуля, семейной жизни она застала деда на горячем. Прямо в их супружеской кровати он трахал одну из своих студенток. Бабуля была гордой дамой, несмотря на свое простецкое происхождение из семейства строителей. С чувством собственного достоинства, ножом в сердце и двенадцатилетней мамой она вернулась на родину, не испугавшись нелегкой судьбы матери-одиночки.

Не имея достойного образования, с корочкой ПТУ № 2 по специальности «зоотехник», бабушке было непросто, но ради солнечного будущего своего единственного ребенка она сумела выстоять. Она не гнушалась любой работы (благо в нашей округе достаточно фермерских угодий): оплодотворяла коров, ухаживала за свиньями, принимала роды у кобыл. Бабушка пахала как сто лошадей, вместе взятых, но порог ее дома не переступил ни единый мужчина, который сумел бы облегчить жизнь. Все свои несбывшиеся надежды она возложила на плечи моей мамы. Она из кожи вон лезла, чтобы ее дочь поступила в педагогический вуз и добилась всего того, чего не смогла добиться она сама. Ей так хотелось, чтоб ее дочь не зависела от мужчин, чтоб стала самодостаточной женщиной, чтоб построила свою жизнь по собственным правилам, но...

Мама успела окончить только один курс педагогического университета. На летних каникулах она начала встречаться с возвратившимся из армии папой. Их страстные свидания закончились мной. Так для бабули я стала вторым в жизни айсбергом, о который разбились ее мечты. Мамино финансирование она тут же прекратила: «У тебя теперь есть кормилец» – и никогда не упускала возможности, будто слепого котенка в миску с молоком, ткнуть маму носом в ее пропадающую жизнь.

Лицемерное и вынужденное внимание, не более того, вот чем была для меня любовь бабушки Нины. Но жизнь разносторонняя, в этом ее прелесть и ужас одновременно – родители иногда вынуждены были прибегать к привычной для многих семей практике: бабушка-няня. И в один из таких дней я поняла, что холодные взгляды и неприязнь все же лучше, чем физическая демонстрация чувства нелюбви.

БАБУШКА НИНА

18 июля 1992 года (пять лет)

Родители уехали на похороны погибших в автокатастрофе друзей, а меня оставили на попечение бабушки Нины.

Солнце в этот день как-то по-особому беспощадно, но не это выматывает пятилетнюю меня, а скука.

Получив внучку под свою опеку, бабушка никоим образом не позаботилась о моем досуге, а с равнодушной ухмылкой отправилась в огород. Конечно, урожай важнее нежеланной внучки.

Недолго бесцельно брожу по двору. Спустя некоторое время нахожу себе компанию на запретной территории.

Дома у нас был сарай, но он пустовал. Мама всегда говорила, что пока папиного заработка и государственных отчислений на содержание меня хватает, она не станет обзаводиться скотным двором. А бабушкин двор был разделен невысоким забором с калиткой на две части: одна – где гуляла я, вторая – где томились в разных загонах животные.

– Бе-е-е, – доносится со стороны скромного серого домика и тут же завораживает меня.

– Му-у-у, – звучит все с той же, неизведанной стороны забора.

И снова:

– Бе-е-е, – и это было самой большой ошибкой козы Тамары, которую мне захотелось увидеть и погладить.

То, что произошло дальше, не назвать никак иначе, как страшный сон, так как преступление и наказание были несоразмерны.

Не раздумывая ни минуты, уверенной походкой шагаю к запертой калитке. Одно движение руки, и на удивление легко ржавая задвижка поддается, но я не решаюсь сразу распахнуть дверь. С опаской оглядываюсь по сторонам.

Убедившись в том, что бабушка вдруг не появилась рядом, ступаю на скотный двор.

Сгорая от страстного желания погладить обалдевшую от неожиданности козу, бесстрашно шагаю обутыми в красные босоножки ногами по разного происхождения дерьму. Тамара, у которой изо рта торчит пучок недожеванной травы, предчувствуя что-то неладное, забилась в дальний угол двора и испуганно пялится на меня в оба глаза.

- Мара, - шепчу я и вытягиваю вперед ручонки, а нога незаметно увязает в противной, огромной, вязкой куче темно-зеленого цвета.

Отвлекаюсь от козы на утопшие в дерьме босоножки, и в считанные секунды меня сшибает с ног огромной силы удар. Попа, наряженная в розовые вельветовые шорты, присоединяется к босоножкам. От неожиданности я даже не сразу начинаю плакать.

Растерянно поворачиваю голову в сторону исчезающей на другой стороне двора жирной свиньи. Выскочив из темного сарая, именно она сбила меня с ног. Только-только собираюсь расплакаться, но Тамара решает последовать примеру Машки и, перескочив через меня, тоже исчезает за калиткой. Плакать некогда. Мною движет состояние аффекта и, оставив в куче дерьма злосчастный сандаля, с воплями «МАРА-МАША-МАРА-МАША-МАРА...» я стремительно покидаю скотный двор.

Полностью уверенная в том, что сумею вернуть козу со свиньей на место, бегу вслед за ними, но, не обращая на мои пронзительные крики никакого внимания, парочка успешно исчезает за калиткой, ведущей в огород.

Бабушкины душераздирающие вопли заставляют мое сердце сжаться в ком. На секунду выглядываю в огород, по которому носятся: коза, свинья и бабка - и понимаю: хлопком по попе мне в этот раз не отделаться.

Помочь вопящей бабушке не берусь, а придирчиво осматриваю больших размеров двор, ища для себя укрытие. Через пару минут убежище найдено. Стремительно прячусь в один из темных углов старенькой бани, наивно полагая, что здесь бабушка не додумается меня искать.

– Вот ты где, маленькая дрянь!

Сажу на корточках, плотно прижимая колени к груди. Голова лежит на коленях, а маленькие ладошки играют роль защитного шлема, цепко обхватывая ее. Мне по-настоящему страшно. Сердце сошло с ума и, кажется, выбрасывает кровь не литрами, а тоннами. Никогда прежде я так сильно не боялась предстоящего наказания, хотя не единожды доставляла своей маме массу проблем. То случайно зацепила локтем миску с приготовленным для яблочного пирога тестом, и оно до последней капли вылилось на пол; то вырезала из красивых занавесок снежинки; время от времени воодушевленно разрисовывала обои; кормила воробьев гречкой и рисом, до последнего зерна уничтожая мамины припасы; разбила с десятков банок с вареньем; вывернула на ковер в своей комнате не одну тарелку супа, сока и молока – но никогда не испытывала панического страха и ужаса перед наказанием.

Бабушкин голос, будто занесшийся над моим телом стальной клинок, звучит резко, громко и пугающе.

Сильные пальцы хватают за косу, заплетенную мамой еще утром. Одним движением бабушка отрывает меня от земли. На внутренней стороне бедер становится неестественно горячо. Теплые ручки один за другим скатываются по дрожащим коленкам. Случилось то, чего не случилось с первого июня девяносто первого – я помочилась в шорты, но тогда это произошло во сне, а сейчас...

– Ничего другого от тебя и ожидать не стоило! Ты рождена, чтобы приносить вред и ничего более. Ты маленький вредитель! – Бабушка не отпускает мои волосы, так и вытаскивает меня на улицу, а я задыхаюсь от страха и изо всех своих детских сил стараюсь не расплакаться, чтобы не разозлить женщину, сделанную из свинца, еще больше. – Но ничего, у меня, наконец, появилась возможность внести в твоё воспитание свои коррективы.

Яркий солнечный свет заставляет щурить глаза, и я не могу видеть лица бабули, но прекрасно представляю, как ее тонкие губы изгибаются в торжествующей улыбке.

– Впервые дефект твоего мозга, гипермнезия, доставляет мне истинную радость. Надеюсь, этот день ты будешь помнить даже в столетнем возрасте. Я заставляю тебя отказаться от любого рода вредительства. – Бабушка притащила меня на

скотный двор. – Понимаю, что ты не просила рожать тебя и твоя мать собственноручно испоганила себе жизнь, приняв неверное решение, но ты не должна была приживаться в ее теле. Просто не должна была. Не от этого олигофрена.

Я все время смотрю вниз, и сдерживать слезы уже нет сил. Мое тело начинает вздрагивать, а на загаженную какашками землю падают слезы и сопли. Бабушка притаскивает меня на то самое место, в конце двора, где не так давно с широко раскрытыми глазами стояла Тамара.

– Становись на колени!

Я послушно выполняю приказ.

– Будешь так стоять до тех пор, пока через ноги до твоей головушки не дойдет простая истина – за все в этой жизни нужно платить. Учись отвечать за свои проступки начиная с этого возраста, и может быть, в дальнейшем, прежде чем что-либо сделать, хорошенько подумаешь – а стоит ли?

Трава, камни, земля – все безжалостно впивается в мою нежную кожу. По ощущениям я стою коленями на битом стекле, а не на земле. Жуткая боль, приносимая каждой песчинкой, навсегда въелась в душу. Сколько часов кряду я так простояла, не знаю, но за это время я еще два раза обмочилась и ни на секунду не прекратила плакать. Подохнуть от солнечного удара, обезвоживания или нечеловеческой боли мне не давали фантазии о том, как бабушке откусывает голову злой дракон, или как ее в лепешку расплющивает здоровенный камень, упавший с неба, или как ее разрывает стая волков, или как она падает в кишашую скорпионами яму, попадает в медвежий капкан, подрывается на mine. Десятки вариаций на тему бабулиной кончины придают сил достойно отбыть наказание.

Ужасно хочется есть, пить и спать. Слезы и сопли, оказавшиеся у меня во рту, немного спасают, но они такие невкусные.

Бабушка сжалилась надо мной, когда солнце наполовину спряталось за высокими деревьями позади ее дома, а я больше не редела и находилась на грани голодного обморока.

– Господи, да ты еще и зассанка! – Жестом бабушка велит мне подниматься и идти за ней. – Надо же, у твоей матери появился лишний повод наброситься на меня, обвиняя во всех смертных грехах. Она ведь не поймет, что я заслуженно тебя наказала, а в том, что у тебя недержание, нет моей вины.

Ни до, ни после этого дня мне не доводилось больше так отчаянно ждать появления мамы.

Во избежание ненужных разборок с собственной дочерью бабуля одевает меня в болотного цвета ситцевый платок, обвив два его конца вокруг моей шеи. Пострадавшие от страшных репрессий вельветовые шорты, а заодно и футболку она прячет в корзине для грязного белья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tn.knigapoisk.com/goray_agata/pamyat-bez-sroka-davnosti

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)